

Сергей Кривенко: «Наши наработки по увековечению памяти поддержаны президентом, но тут нужна целостная Федеральная программа»

Сергей Владимирович Кривенко (родился в 1962 году в ближнем Подмоскowie) – общественный деятель, правозащитник. Окончил Московский физико-технический институт, затем аспирантуру. Кандидат физико-математических наук. Работал научным сотрудником Физического института имени П.Н. Лебедева Академии наук СССР. В 1988 году стал членом международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал». С 1989 года – координатор Соловецкого землячества «Московского Мемориала», в 90-х годах – организатор ежегодных Дней памяти на Соловецких островах, организатор и руководитель летних трудовых молодежных добровольческих лагерей на Соловецких островах (1999–2005 годы). С 2002 года – член правления «Мемориала». В 2001–2003 годах руководил информационным бюро «ИНФО-АГС» (поддержка развития института альтернативной гражданской службы в России). С 2002 года – секретарь Всероссийской коалиции общественных объединений «За демократическую альтернативную гражданскую службу». С 2006 по 2009 год был координатором общественной инициативы «Гражданин и Армия», с 2010 года – секретарь Союза правозащитных организаций «Гражданин и Армия». С 2004 года – член экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ. С 2009 года – член Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, председатель Постоянной комиссии по военно-гражданским отношениям. Входит в состав постоянных комиссий по исторической памяти, по правам человека за рубежом, по гражданским свободам и гражданской активности, по развитию НКО, а также в состав временных рабочих групп по развитию гражданского общества и правам человека в Крыму и по мониторингу соблюдения прав человека на территории Украины.

Ред. Сергей Владимирович, на ваше обращение к правозащитным проблемам как-то повлиял родной Физтех? Ведь на советских вузах чаще висели лозунги «Слава КПСС», а у вас в Долгопрудном – «Физтех ждет вас, искатели!».

С.К. И да, и нет. Конечно, для советского вуза Физтех мог считаться оплотом свободомыслия, у нас «ходили» фотокопии книг Стругацких, к таким предметам, как «История КПСС» и «Научный коммунизм», отношение было ироничное, народ ведь был пытливым и находил там немало противоречий. Тем не менее проходили комсомольские собрания, как и везде, а главное – в основном мы были сориентированы на очень серьезную учебу.

Ред. Когда же вы активизировались?

С.К. В перестроечные времена. На эти годы пришлось мое пребывание в аспирантуре. Меня затянула общественная жизнь вне Физтеха. Началось формирование общества «Мемориал», я участвовал в сборе подписей по различным поводам, связанным с необходимостью установки памятника жертвам политических репрессий советского времени, созданием соответствующих музея и архива.

Ред. У вас для этого были внутренние мотивы, может быть, кто-то в семье пострадал?

С.К. В семье непосредственно – нет. Я только позже узнал, что троюродный дядя отсидел 10 лет. Я к нему ездил, расспрашивал. Он, правда, оказался из тех коммунистов, которые считали: в отношении меня имела место ошибка, а линия партии правильная. На меня скорее оказали влияние публикации, ранее невозможные: книги Солженицына, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана... Я стал знакомиться, общаться с бывшими политзаключенными, это были потрясающие люди. Могу назвать Сусанну Соломоновну Печуро, Виктора Булгакова, Волю Лебединского (он сначала попал в лагерь по уголовной статье). Много дало общение с Арсением Рогинским. Я продолжал еще параллельно заниматься физикой, защитил кандидатскую диссертацию. Общался с академиком Д.В. Ширковым из Дубны, другими учеными. Разговоров по душам не было, но был виден их высокий уровень и ощущались демократические настроения. Андрея Дмитриевича Сахарова я близко видел, он поддерживал создание общества «Мемориал».

Позиция

«В России в общественном сознании милитаризм не изжит на всех уровнях – его силой прививают еще в детском саду, в школе, все эти бесконечные визиты непонятных ветеранов, воспоминания, военно-спортивные праздники, сборка-разборка автомата Калашникова, портреты военачальников в кабинетах. Прививается не просто патриотизм, а именно военный патриотизм. По нашим оценкам, примерно 30% ребят в России с подростковых лет мечтают о службе армии и желают туда быстрее попасть. А тех, кто рассматривают возможность альтернативной гражданской службы, всегда было около 10%. Остальные колеблются из-за разных причин и условий. Введение альтернативной гражданской службы в России, которое состоялось более 10 лет назад (Закон действует с 2004 года), – это просто предоставление долгожданной возможности всем молодым людям, которые не видят себя в армии и имеют противоречащие военной службе убеждения.

...В последние годы впервые в жизни сами российские генералы всерьез заговорили о необходимости гуманизации военной службы. И это дает некие положительные моменты. С другой стороны, кардинальных изменений не произошло, военнслужащий по призыву по-прежнему существует вне правового поля, не имея надежных рычагов для защиты своей чести и достоинства. Уровень насилия в российской армии остается высоким».

Фрагмент интервью радиостанции Радио Свобода, 15 мая 2014 года

Ред. На чем вы сосредоточились в «Мемориале»?

С.К. Там изначально обозначились три направления. Это поддержка репрессированных, пробивание льгот для них, распределение гуманитарной помощи. Этим занимались многие добровольцы. Другое направление – собственно правозащитная деятельность, особенно, в местах межнациональных конфликтов, прежде всего, на Северном Кавказе. Еще одно направление, которым я стал активно заниматься, это архивная деятельность. Опросы репрессированных, интервью, организация выставок.

Мы подготовили и провели в Москве в 1989 году выставку, приуроченную к пятидесятилетию пакта Молотова – Риббентропа. Помню, местный райком воспротивился демонстрации западных карикатур 1939 года, где Сталин-невеста идет под ручку с Гитлером-женихом, а свастика переkreщена с серпом и молотом. Но мы и это отстояли, все-таки на дворе был 1989 год. Принципиально важной была выставка по Катынскому расстрелу в 1990 году. Поляки прислали несколько сотен фотографий расстрелянных офицеров – мы их пересняли, разместили на выставке. Москвичи впервые увидели лица жертв Катынской трагедии.

А началось все с выставки в Доме культуры МЭЛЗ «Неделя совести», состоявшейся в 1988 году. Там впервые были представлены карта советских лагерей, фотографии расстрелянных. Ведь об этом не было никакой информации, архивы были закрыты. Мы обратились к родственникам, они заполняли анкеты на репрессированных – так начал формироваться архив «Мемориала». Об этой выставке написали московские газеты, люди несли документы, общественный резонанс был очень большой.

В 1991 году впервые нас допустили в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), в фонд НКВД. Была создана Рабочая группа во главе с активным «мемориальцем» Михаилом Смирновым. В 1992–1996 годах мы очень серьезно «перелопатили» все имевшиеся в этих фондах и рассекреченные на тот момент материалы по лагерям, и в 1998-м был издан первый научный сборник с материалами обо всех лагерях СССР. По каждому имелись сведения: дата открытия и закрытия, назначение и увольнение начальников, информация по перемещению заключенных, санитарные документы.

Ред. В то время ведь еще с техникой было неважно?

С.К. Да, начинали мы вручную. Материалы переписывали на карточки. Потом уже стали набивать на компьютер.

Ред. Какие материалы из открывшихся произвели на вас самое сильное впечатление?

С.К. Документы по Соловецкому лагерю, документы, связанные с повседневной жизнью исправительно-трудовых лагерей – насколько все было зарегламентировано, «особые папки» Сталина. Позже я стал заниматься действиями НКВД в Польше в 1944–1946 годах. Сильное впечатление произвели документы, свидетельства о том, как в Польше советские органы расправлялись с Армией Крайовой.

Ред. Вы продолжили эту работу?

С.К. Потом я переключился на чисто правозащитную деятельность. В начале 90-х годов как часть «Мемориала» был создан Гуманитарно-благотворительный центр «Сострадание». Мы занимались там социальной и медицинской помощью репрессированным. Поступали гранты от западных спонсоров, приезжали врачи и медсестры. Это был уникальный опыт. На базе центра «Сострадание» немецкие юноши проходили альтернативную службу. Им было разрешено ее нести за пределами Германии в общественных организациях стран, пострадавших от гитлеровцев: России, Украине, Белоруссии. По сути, это была часть известного общегерманского покаяния. Приезжали в том числе внуки высокопоставленных нацистов, работали в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Перми, Волгограде – в основном ухаживали за пожилыми людьми. В Германии им эта работа засчитывалась как прохождение альтернативной гражданской службы. Опекали этих ребят немецкие пацифистские и протестантские организации, которые собирали в Германии

пожертвования и выдавали юношам что-то вроде стипендии, на которую они снимали жилье (обычно жили по несколько человек в квартире) и питались.

Документ

«Статья 1. Альтернативная гражданская служба

1. Альтернативная гражданская служба – особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву.

2. Правовой основой альтернативной гражданской службы являются [Конституция](#) Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, а также законодательство субъектов Российской Федерации, применяемое в части, не противоречащей настоящему Федеральному закону.

3. Статус граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, устанавливается настоящим Федеральным законом в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

Трудовая деятельность граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, регулируется Трудовым [кодексом](#) Российской Федерации с учетом особенностей, предусмотренных настоящим Федеральным законом.

Статья 2. Право гражданина на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой

Гражданин имеет право на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой в случаях, если:

- несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию;
- он относится к коренному малочисленному народу, ведет традиционный образ жизни, осуществляет традиционное хозяйство и занимается традиционными промыслами».

Из Федерального закона от 25 июля 2002 года № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе»

Ред. Не это ли усилило ваш интерес к альтернативной службе в России?

С.К. Да, именно это. Ведь странно: почему немецкие юноши вместо военной службы приезжают в Россию и помогают решать социальные и экологические проблемы России, а российские юноши не имеют такой возможности? Да, в России право на альтернативную службу было зафиксировано в Конституции 1993 года, но Закона о ней не было до 2002 года. Я подключился и стал активно заниматься разработкой законопроекта об альтернативной гражданской службе. Была создана целая коалиция организаций, занимавшаяся этим вопросом, по которому мы очень активно стали взаимодействовать с исполнительной и законодательной властью.

Но сразу определились две крайние точки зрения – какой быть альтернативно гражданской службе в России. Условно «военные» хотели, чтобы альтернативная гражданская служба была подобием стройбатов – служба в воинских частях, только без оружия. Другая концепция предполагала, что институт альтернативной гражданской службы должен иметь социальное служение, то есть работа

«на гражданке» по уходу за больными, пожилыми, работа в экологической сфере. В январе 2002 года на заседании правительства даже разгорелся скандал, когда стали рассматривать законопроект по альтернативной гражданской службе. В итоге альтернативную гражданскую службу все-таки передали в гражданское ведомство – в Минтруд России, но при этом Закон вышел весьма компромиссным.

Документ

«Статья 5. Срок альтернативной гражданской службы»

1. Срок альтернативной гражданской службы в 1,75 раза превышает установленный Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» срок военной службы по призыву и составляет:

– для граждан, направленных для ее прохождения до 1 января 2007 года, за исключением граждан, указанных в абзаце четвертом настоящего пункта, – 42 месяца;

– для граждан, направленных для ее прохождения с 1 января по 31 декабря 2007 года включительно, за исключением граждан, указанных в абзаце четвертом настоящего пункта, – 31,5 месяца;

– для граждан, окончивших государственные, муниципальные или имеющие государственную аккредитацию по соответствующим направлениям подготовки (специальностям) негосударственные образовательные учреждения высшего профессионального образования и направленных для ее прохождения до 1 января 2008 года, – 21 месяц;

– для граждан, направленных для ее прохождения после 1 января 2008 года, – 21 месяц

(п. 1 в редакции Федерального закона от 06.07.2006 № 104-ФЗ).

2. Срок альтернативной гражданской службы для граждан, проходящих данную службу в организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в 1,5 раза превышает установленный Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» срок военной службы по призыву и составляет:

– для граждан, направленных для ее прохождения до 1 января 2007 года, за исключением граждан, указанных в абзаце четвертом настоящего пункта, – 36 месяцев;

– для граждан, направленных для ее прохождения с 1 января по 31 декабря 2007 года включительно, за исключением граждан, указанных в абзаце четвертом настоящего пункта, – 27 месяцев».

Из Федерального закона от 25 июля 2002 года № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе»

Ред. Но все же Закон работает?

С.К. Да, хотя и не масштабно. Каждый год около тысячи юношей (это меньше 1% общего числа призывников) проходят альтернативную гражданскую службу. Они могут служить только в государственных учреждениях: в больницах, на почте, на предприятии разнорабочими. С ними заключают договор, они получают небольшие деньги. Но на пути попадания на такую службу военные комиссариаты зачастую пытаются поставить барьеры – дезинформируют призывников, не принимают заявления и т.п.

Ред. В основном люди альтернативную гражданскую службу проходят по убеждению?

С.К. Да, представителей коренных народов идет немного. Из тех, кто идет «по убеждениям», – до 70% связаны с вероисповеданием. В первую очередь это представители Свидетелей Иеговы и протестантских конфессий, но есть и православные, и мусульмане. Остальные идут по светским убеждениям, например пацифистским, антимилитаристским. В российском Законе об альтернативной гражданской службе формулировка оснований замены военной службы дана максимально расширительно – заменить военную службу гражданской можно на основании любых убеждений и любого вероисповедания, имеющихся у гражданина. На призывной комиссии гражданину надо только обосновать и пояснить, чем эти убеждения или вероисповедание противоречат несению военной службы. Скоро будет уже 15 лет, как принят Закон, и сейчас хорошо видно, какое до сих пор сопротивление он встречает у представителей военного ведомства. Поэтому по-прежнему работа общественных организаций по поддержке реализации института альтернативной гражданской службы у нас в стране весьма важна.

Ред. Вы эту работу вели в сотрудничестве с Советом по правам человека?

С.К. Да, были различные встречи, в 2005 году на Совете была заслушана информация о деятельности нашей коалиции. Совет ее поддержал. Собственно, и Комиссия по правам человека, и потом Совет поддерживали всю деятельность «Мемориала»: и проведение Дней памяти, и правозащитные лагеря молодежи на Соловках.

Ред. А как вы вошли в состав Совета?

С.К. После избрания президентом России Дмитрия Медведева состав Совета был обновлен, и в 2009-м меня пригласили в Совет как представителя общества «Мемориал». Я стал работать в Комиссии по военно-гражданским отношениям и в Комиссии по исторической памяти.

Ред. Какие победы вы можете записать на свой счет уже в качестве члена Совета по правам человека?

С.К. Мы очень много внимания уделяли вопросам защиты прав граждан при их призыве на военную службу, чтобы не призывали на службу граждан, не годных к ней по состоянию здоровья. Эту проблему удалось донести до президента, она была затронута в одном из президентских посланий Федеральному Собранию.

Общими усилиями правозащитных организаций и комитетов солдатских матерей удалось прекратить использование военнослужащих срочной службы на работах по утилизации устаревших боеприпасов: было много проблем, нарушений техники безопасности при проведении таких работ. На складах ведь было сосредоточено до 10 миллионов тонн устаревших снарядов, хотя уже нет орудий, для которых они были предназначены. В 2011–2012 годах их стали уничтожать варварским способом – взрывать. Но и эта работа требует профессионализма, а для нее стали использовать обычных призывников. Начались ЧП, солдаты стали погибать. Мы от СПЧ организовали поездку на полигон Ашулук в Астраханской области, где убедились, что при разгрузке боеприпасов не соблюдается техника безопасности. Об этом было доложено президенту, и вскоре привлечение солдат-срочников к такого рода работам было прекращено.

Много времени и сил я уделял и работе по продвижению такой важной темы, как увековечение памяти жертв политических репрессий советского времени. Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий в августе 2015 года утверждена правительством России. Но все-таки по этой теме необходима целостная Федеральная целевая программа.

«1. В каждом регионе России должна быть утверждена программа «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении».

Важным элементом программы должна стать мемориализация мест, связанных с террором и репрессиями (расстрельные тюрьмы, здания НКВД и т.п.), которые должны быть отмечены специальными знаками (мемориальные таблички, стенды и т.д.). Рядом с памятниками, памятными знаками необходима установка информационных стендов.

В краеведческих музеях с необходимостью должна быть отражена тема репрессий.

2. Меры по увеличению социальной защищенности репрессированных должны быть усилены, выплаты должны идти за счет федерального, а не регионального бюджета. Необходимо дать репрессированным право пользоваться льготами по нескольким основаниям. Социальная поддержка жертв политических репрессий – значимая часть процесса реабилитации.

3. В школах 30 октября или накануне необходимо проводить открытые уроки – “Уроки Памяти”, посвященные жертвам политических репрессий.

4. Помимо 30 октября необходимо учреждение еще одного всероссийского памятного дня с условным названием «День покаяния и национального примирения». Покаяние должно стать действенным актом, поэтому важны конкретные процедуры и различные формы общественных проявлений, которые смогут иметь привязку к данному дню».

Из Резолюции секции 3 «Презентация и обсуждение общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении», выездное заседание [Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека](#) «Перспективы и проблемы общественного контроля и гражданского участия в Сибирском федеральном округе», Алтайский край, Белокуриха, 26-27 сентября 2011 года

Ред. Концептуально над чем вы сейчас работаете?

С.К. Много остается проблем при призыве, две трети всех обращений связаны с неправильным определением категории здоровья граждан в военкоматах. Немало проблем с медициной и в самих воинских частях.

Довольно высоким остается уровень насилия в армии. Много проблем с социальным обеспечением ветеранов боевых действий.

Но, конечно, самая большая проблема – война на востоке Украины. До сих пор официально не признано участие в ней российских военнослужащих. Соответственно те, кто принимали участие в боевых действиях, не получают положенных по Закону социальных выплат и медико-психологической реабилитации. Не проведено независимого расследования случаев гибели российских военнослужащих, ни по одному случаю не возбуждены уголовные дела.